



Дара Вейн

«Весы и пески»

Дара Вейн
«Весы и пески»

«Автор»

2026

Вейн Д.

«Весы и пески» / Д. Вейн — «Автор», 2026

Фивы, середина II тысячелетия до н. э. Молодой жрец Неферхотеп служит в заупокойном храме и учится искусству бальзамирования под надзором строгого мастера. Его мир рушится, когда в гробнице знатного вельможи находят следы осквернения, а в городе начинают шептать о гневе богов. Чтобы спасти свою семью и храм, Неферхотеп должен пройти путь, повторяющий миф об Осирисе и Анубисе: отыскать истину среди лжи, восстановить справедливость и понять, что весы Маат взвешивают не только сердца мёртвых, но и поступки живых. В этой истории боги не спускаются с небес, но их воля живёт в обрядах, клятвах и памяти народа — и именно она решает судьбу героя.

© Вейн Д., 2026

© Автор, 2026

Дара Вейн

«Весы и пески»

Глава 1. Песок на весах

Солнце ещё не поднялось над Ливийскими горами, а воздух уже пах пылью и дымом от ночных костров. Неферхотеп шёл по узкой тропе между полями, стараясь не наступать на свежие борозды: в Фивах даже шаг имел значение. Он нёс корзину с льняными бинтами, смолами и маленькими глиняными сосудами — всё, что понадобится сегодня в Доме Очищения.

В храме его уже ждал мастер Ини, человек с лицом, будто высеченным из камня.

— Ты опоздал, — проговорил Ини без гнева, но с той тяжестью, которая хуже крика. — Мёртвые не ждут.

Неферхотеп поклонился, не оправдываясь. В заупокойном ремесле оправдания ничего не стоят.

Сегодня им предстояло бальзамировать вельможу Пасера, человека, который при жизни раздавал приказы и не замечал тех, кто их исполнял. Теперь он лежал на столе из кедра, холодный и тихий, и вся его власть свелась к тому, насколько верно жрецы выполняют ритуал.

Ини провёл ладонью над телом, проверяя, всё ли готово. Потом поднял глаза на Неферхотепа.

— Сегодня ты будешь держать сосуд для внутренностей. И слушать. Не задавать вопросов, пока я не спрошу.

Неферхотеп кивнул. Он знал: сердце, печень, лёгкие и почки поместят в канопы, каждая из которых посвящена одному из сыновей Гора. Это не просто сосуды — это стражи, чтобы душа не заблудилась на пути к Осирису.

Они начали. Движения Ини были точны, как у скульптора, вырезающего из камня статую. Неферхотеп следил за каждым жестом, стараясь запомнить не только порядок, но и то, как мастер дышит, как сжимает пальцы, как смотрит на тело — не как на мешок костей, а как на врата, через которые душа должна пройти.

Когда дело дошло до извлечения сердца, Ини вдруг замер. Его пальцы застыли над грудной клеткой.

— Что-то не так, — прошептал он, скорее себе, чем ученику.

Сердце Пасера было на месте, но на коже вокруг груди виднелись едва заметные царапины — будто кто-то уже пытался проникнуть внутрь, но остановился. Или его спугнули.

Неферхотеп почувствовал, как по спине пробежал холод, не похожий на сквозняк в каменном зале.

— Это... следы ножа? — осмелился спросить он.

Ини медленно опустил руки и посмотрел на ученика так, будто впервые увидел в нём не просто помощника, а человека, которому придётся жить в этом мире.

— Или следы когтей, — тихо произнёс он. — Но это неважно. Важно другое: кто-то осквернил тело. А это значит, что душа Пасера не сможет предстать перед Осирисом. Она будет блуждать между мирами, пока не найдёт того, кто ответит за это.

Неферхотеп сглотнул. Он знал, что в глазах богов осквернение — не просто преступление. Это вызов порядку, который держит мир. Если весы Маат склонятся не туда, даже Нил может забыть разливаться.

— Мы должны сообщить верховному жрецу, — сказал он.

Ини покачал головой.

— Сначала мы должны понять, кто это сделал. Потому что если мы поднимем крик, а окажется, что это случайность — или чья-то глупость, — то тень падёт на наш храм. А тень на храме — это тень на всём городе.

Он подошёл к небольшому алтарю в углу комнаты, где стояли статуэтки богов: Осирис с зелёной кожей, символ возрождения; Анубис с головой шакала, хранитель весов и проводник душ.

Ини взял маленькую чашечку с водой и капнул несколько капель на фигурки, шепча слова, которые Неферхотеп слышал сотни раз, но сегодня они звучали иначе — как заклинание, обращённое не к небу, а к земле, к камню, к песку под ногами.

— Анубис, услышь меня, — прошептал Ини. — Покажи, где скрыта ложь. Осирис, дай нам силы восстановить справедливость.

Неферхотеп стоял неподвижно, чувствуя, как тишина в комнате становится почти осязаемой. Ему вдруг показалось, что статуя Анубиса чуть наклонила голову, будто прислушиваясь. Но это был просто свет от лампы, пляшущий на бронзе.

Или нет.

— Возьми факел, — сказал Ини, возвращаясь к столу. — Мы осмотрим все углы. И не смотри на меня так, будто я зову духов. Я зову память. В этом храме помнят всё: кто приходил, кто уходил, кто задерживался дольше положенного.

Они начали обыскивать помещение, двигаясь медленно, как люди, которые боятся спугнуть не мышь, а нечто большее. Неферхотеп заметил на полу едва заметные следы — не человеческие, а будто кто-то волок что-то тяжёлое. Следы вели к маленькой нише, где хранились старые свитки и сломанные инструменты.

Там, среди пыли и паутины, лежал обрывок ткани — не простой льняной, а окрашенной в тёмно-синий цвет, редкий и дорогой. Такой носили только в доме верховного жреца.

Неферхотеп поднял ткань и посмотрел на Ини.

— Это знак, — проговорил мастер, и в его голосе впервые прозвучало не спокойствие, а тревога. — Кто-то из своих. Или тот, кто хочет, чтобы мы так думали.

В этот момент снаружи донёлся крик — резкий, испуганный, такой, какой бывает, когда видишь то, чего не должно быть.

Ини резко выпрямился.

— Останься здесь, — приказал он. — Не выпускай никого. И не позволяй никому коснуться к телу.

Он вышел, оставив Неферхотепа одного в полумраке, с мёртвым вельможей, статуями богов и куском ткани, который мог стать либо уликой, либо ловушкой.

Неферхотеп посмотрел на Анубиса. Ему хотелось спросить: «Что мне делать?» Но он знал, что бог не ответит словами. Он ответит следами на песке, шёпотом в темноте, тяжестью на весах.

И в этот момент юноша понял: миф — это не сказка. Это память о том, как мир держится на равновесии. И теперь ему предстояло стать частью этой памяти.

Глава 2. Тень в заупокойном зале

Крик, донёсшийся снаружи, оборвался так же резко, как ломается сухая трость. Неферхотеп замер, сжимая в пальцах кусок тёмно-синей ткани. В тишине Дома Очищения этот лоскут казался тяжелее камня: он тянул за собой целую сеть вопросов, на которые у юноши не было ответов.

Дверь распахнулась, и в проёме возник Ини — его лицо было темнее грозовой тучи. За ним маячили два стражника из храмовой охраны, сжимавшие копыя так, будто ждали, что из темноты выскочит сам Апоп.

— В боковой галерее нашли жреца Менкаура, — прохрипел Ини, будто каждое слово царапало горло. — Он лежал у ниши с канопами. Без сознания. И с кляпом во рту.

Неферхотеп невольно перевёл взгляд на стол, где лежало тело вельможи Пасера.

— Значит, кто-то хотел помешать ритуалу... или украсть что-то из канопа?

Ини метнул на него острый взгляд — не для того, чтобы одернуть, а чтобы проверить, насколько ученик способен мыслить дальше страха.

— Канопы на месте. Целостность сосудов не нарушена. Но кляп... Кляп из той же ткани, что и твой лоскут.

Юноша поднял находку, и стражники синхронно шагнули вперёд, словно лоскут мог вдруг ожить и броситься на них.

— Где ты это взял? — резко спросил один из них.

— В нише, куда вели следы. Будто кто-то волок что-то тяжёлое... или кого-то.

Ини кивнул, подтверждая догадку.

— Менкаура был там. Его оглушили, заткнули рот и спрятали, чтобы никто не поднял тревогу, пока оскверняют тело. Но кто-то всё же закричал. И этот крик нас спас.

Неферхотеп почувствовал, как по спине пробежал холод.

— Но зачем осквернять тело? Чтобы душа Пасера не предстала перед Осирисом?

— Не только, — прошептал Ини. — Это послание. Удар по нашему храму. По порядку. По самой Маат. Если весы Анубиса не смогут взвесить сердце Пасера, тень падёт на весь город. Начнутся пересуды, недоверие, люди перестанут приносить дары, перестанут верить, что мы можем защитить их мёртвых. А там, где умирает вера, умирает и власть.

Один из стражников хмыкнул:

— Или это просто жадность. Может, искали драгоценности. Перстень вельможи, золотую пластину...

Ини покачал головой.

— Пасер был скромнее в украшениях. На нём только бронзовая печать. Нет, это не грабёж. Это ритуал наоборот. Кто-то хочет показать, что может нарушить священный порядок — и остаться безнаказанным.

В этот момент в зал вбежал посыльный — запыхавшийся, с глазами, полными ужаса.

— Верховный жрец требует вас обоих немедленно! В главном храме нашли ещё одну улику.

Они шли по длинным коридорам, где тени плясали от факелов, будто издеваясь над каждым шагом. Мраморные статуи богов смотрели на них с невозмутимым спокойствием, которое казалось почти насмешливым: «Вы ищете истину среди лжи, но разве вы сами не ложёте себе?»

В главном храме, у подножия статуи Осириса, стоял верховный жрец Панеб — высокий, сухопарый, с лицом, высеченным из камня и времени. Перед ним на бронзовом подносе лежал предмет, от которого у Неферхотепа кровь застыла в жилах: маленькая фигурка шакала, вырезанная из чёрного базальта, — Анубис. Но на груди у фигурки была выцарапана перевёрнутая эмблема Маат — страусиное перо, направленное вниз. Знак, который в Фивах знали все: так помечали проклятия, так обозначали разрыв порядка.

— Эту фигурку нашли в святилище Маат, — тихо произнёс Панеб, не сводя глаз с Ини. — Кто-то вошёл туда, где имеют право быть только посвящённые. И оставил это как вызов.

Ини склонил голову, но в его голосе не было покорности — только сталь.

— Мы найдём виновного. И восстановим порядок.

Панеб хмыкнул, и в этом звуке было больше скепсиса, чем веры.

— Ты говоришь как жрец. А мне нужен следователь. Кто знает храм, знает людей, знает, где прячутся секреты. Пусть твой ученик займётся этим. Пусть ходит по галереям, слушает разговоры, заглядывает в глаза. Пусть станет тенью, которую никто не замечает.

Неферхотеп вздрогнул.

— Я... я не следователь.

Панеб наконец посмотрел на него — прямо, без снисхождения.

— Следователем становится тот, кто видит то, что другие не хотят замечать. Ты нашёл лоскут. Ты заметил следы. Значит, ты уже начал.

Ини положил руку ему на плечо — тяжёлую, тёплую, удерживающую от падения.

— Он будет осторожен.

Верховный жрец кивнул.

— Пусть будет. Потому что если это дело не раскроют быстро, тень ляжет не только на храм. Она ляжет на весь город. А когда тень ложится на Фивы, даже Нил начинает шептать о гневe богов.

Когда они вышли из главного храма, ночь уже накрыла город плотным покрывалом. На набережной мерцали огни рыбацких лодок, а над рекой висел тонкий серп луны, похожий на лезвие ножа.

Неферхотеп остановился, вдыхая влажный воздух, смешанный с запахом смолы и пыли.

— Почему он выбрал меня? — прошептал юноша. — Я ничего не знаю о расследованиях.

Ини посмотрел на него так, будто видел не испуганного ученика, а того, кем он мог стать.

— Потому что ты не боишься задавать вопросы. И потому что ты ещё не научился не замечать неудобные вещи. Это редкий дар. Но он же и проклятье: чем больше ты видишь, тем больше понимаешь, как много в мире лжи.

Он протянул Неферхотепу маленький кожаный мешочек.

— Здесь папирус и стилос. Записывай всё: кто где стоял, кто куда смотрел, кто отводил глаза. Даже если это кажется мелочью. В нашем деле мелочь — это песчинка на весах Анубиса. Одна лишняя песчинка — и чаша склоняется не туда.

Неферхотеп взял мешочек, чувствуя, как пальцы дрожат.

— А если я ошибусь? Если укажу не на того?

— Тогда ты узнаешь, что справедливость — это не только весы, но и мужество признать свою ошибку. И исправить её.

Они пошли вдоль стены, мимо ниш, где стояли статуи богов. Неферхотеп поймал себя на мысли, что теперь он смотрит на них иначе: не как на хранителей, а как на свидетелей. Анубис с головой шакала будто чуть наклонил морду, прислушиваясь к их шагам. Осирис с зелёной кожей стоял неподвижно, но юноше казалось, что в его глазах мерцает тихий свет понимания: «Ты идёшь по пути, который я прошёл. По пути смерти и возрождения. Будь честен».

Первой остановкой стала кухня для слуг — место, где собирались все, кто не имел права говорить в главных залах, но знал всё, что в них происходит. Там Неферхотеп нашёл старую служанку Исиду, которая знала каждый скрип половиц и каждый тайный проход.

— Говорят, Менкаура вчера спорил с кем-то у западных ворот, — проговорила она, помешивая похлёбку и не глядя на юношу. — Голос был чужой. Не из наших. Но он говорил как тот, кто привык приказывать.

— Ты видела его?

Она покачала головой.

— Слышала. И ещё... Менкаура сказал: «Это не по воле богов. Это по воле людей». А потом тот человек рассмеялся. Смех был... неприятный. Как скрежет камня о камень.

Неферхотеп записал эти слова на папирусе, чувствуя, как внутри шевелится что-то похожее на надежду. Первая ниточка. Тонкая, хрупкая, но настоящая.

Следующим был писец храма — человек с вечно красными от дыма папирусов глазами. Он нервно теребил край туники, когда Неферхотеп задал вопрос о тёмно-синей ткани.

— Такой цвет носят только в доме верховного жреца, — пробормотал он. — Но... есть ещё один человек. Надсмотрщик над рабочими, что строят новую пристань. Он купил себе плащ такого оттенка на рынке в Карнаке. Говорил, что хочет выглядеть как вельможа.

— Его имя?

Писец замялся.

— Хнумхотеп. Но будь осторожен, юноша. У него крепкие кулаки и длинный язык.

Неферхотеп кивнул, записывая. Теперь у него было два следа: голос у западных ворот и плащ надсмотрщика.

Когда он вернулся к Ини, тот сидел у статуи Анубиса, держа в руках маленькую чашу с водой и шепча молитву. Но когда увидел ученика, поднял голову.

— Ну?

Неферхотеп протянул папирус.

— Есть две зацепки. Служанка слышала, как Менкаура спорил с незнакомцем. А писец говорит, что тёмно-синюю ткань мог носить надсмотрщик Хнумхотеп.

Ини медленно кивнул.

— Хорошо. Но не спеши обвинять. Сначала узнай, где был Хнумхотеп в момент нападения. И найди того, кто слышал смех. Смех — это отпечаток души. Его не подделать.

Ночью, когда храм затих, Неферхотеп снова пришёл к статуе Анубиса. Он не молился — он просто стоял, глядя на каменную морду шакала, и пытался представить, как бог взвешивает не только сердца, но и слова, и взгляды, и тени, что прячутся в углях.

— Если ты ведёшь меня, — прошептал он наконец, — покажи мне правду. Не в знамениях. А в мелочах. В следах на песке. В дрожи чужих рук.

Статуя молчала. Но в тишине храма ему вдруг послышался шёпот — или это был просто ветер, гулявший по галереям.

«Ищи того, кто хочет разрушить порядок не ради выгоды, а ради власти над страхом», — будто прозвучало в голове.

Неферхотеп глубоко вздохнул и сжал папирус в кулаке. Завтра он пойдёт к надсмотрщику. И будет смотреть не на слова, а на глаза. Потому что глаза не умеют лгать так ловко, как язык.

Глава 3. Тень верховного жреца

Утро в храме начиналось с тишины, которая казалась тяжелее камня. Пока служители зажигали лампы и раскладывали подношения, Неферхотеп уже шагнул по боковым галереям — не как жрец, а как человек, который ищет следы там, где другие видят только святость.

Ини дал ему простое наставление: «Не спрашивай, кто виноват. Спроси, кому это выгодно. Порядок рушат не ради забавы — его ломают, чтобы занять место того, кто его хранил».

Неферхотеп знал, что искать нужно в двух местах: в обители страха и в обители власти. Обитель страха — это кухня, кладовые, комнаты слуг, где слухи бегут быстрее воды. Обитель власти — покои и канцелярия верховного жреца Панеба, куда простым ученикам вход заказан. Но у Неферхотепа был предлог: он должен был передать Панебу отчёт о состоянии каноп и сосудов для бальзамирования.

Он шёл по главному коридору, чувствуя, как статуи богов следят за каждым его шагом. У ниши с Осирисом он невольно замедлил шаг. Зелёный лик бога смотрел спокойно, будто знал, что сегодня Неферхотеп будет взвешивать не сердца, а слова.

В приёмной Панеба его встретил писец с лицом, похожим на высушенный финик — сморщенным и настороженным.

— Верховный занят. Он готовится к совету с градоначальником.

— Это ненадолго, — спокойно ответил Неферхотеп, протягивая свиток. — Всего лишь отчёт по канопам. Мастер Ини просил передать лично.

Писец поколебался, потом махнул рукой в сторону тяжёлой двери из кедра:

— Жди здесь. Я отнесу.

Но Неферхотеп не двинулся с места.

— Мастер велел передать лично. Говорит, есть нюанс, который нужно объяснить голо-сом, а не буквами.

Писец нахмурился, но спорить не стал — в храме не любили, когда старшие жрецы меняли привычные порядки. Он скрылся за дверью, оставив Неферхотепа одного.

Юноша не терял времени. Он скользнул к низкому шкафу, где хранились учётные таблички. Взгляд быстро пробежал по строкам: поставки смол, количество льняных бинтов, списки жертвоприношений. И вдруг он заметил странность: в графе «расходы на святилище Маат» за последние три луны стояла одна и та же сумма — ровно столько, сколько уходило на обычные подношения. Но Неферхотеп точно знал: месяц назад там проводили особый обряд очищения, который должен был стоить вдвое дороже. Либо деньги ушли не туда, либо запись подделали.

Скрипнула дверь, и писец снова появился в проёме.

— Панеб примет тебя. Но быстро.

Верховный жрец сидел за низким столом, заваленным папирусами. Его лицо было бесстрастным, но в глазах мелькнуло что-то, похожее на усталость — или на напряжение.

— Что там с канопами? — спросил он, не поднимая головы.

Неферхотеп склонился в почтительном поклоне, но голос его звучал твёрдо:

— Всё на месте, владыка. Но я хотел спросить... в учётных таблицах я заметил несоответствие. На обряд очищения в святилище Маат не выделено достаточно средств.

Панеб резко поднял голову. В его взгляде не было гнева — была насторожённость, холодная и острая, как лезвие ножа.

— Ты читаешь учётные таблицы?

— Я учусь видеть не только кости и ткани, владыка. Я учусь видеть порядок. И когда он нарушается, я это замечаю.

Верховный жрец откинулся на спинку кресла, изучая юношу так, будто видел его впервые.

— Порядок нарушается каждый день. Кто-то проливает масло, кто-то забывает закрыть дверь. Это не заговор.

— А если это не случайность? — тихо, но настойчиво спросил Неферхотеп. — Если кто-то хочет, чтобы мы думали, будто всё в порядке, пока на самом деле порядок рушится?

Панеб помолчал, потом медленно кивнул.

— Ты говоришь как следователь. Или как человек, которому нечего терять. Скажи, что ты знаешь.

Неферхотеп сглотнул. Риск был велик. Но он вспомнил слова Ини: «Пусть станет тенью, которую никто не замечает». Сейчас он не мог быть тенью. Сейчас он должен был стать голосом, который невозможно проигнорировать.

— Нашли лоскут тёмно-синей ткани. Такой носят в вашем доме, владыка. И ещё — в святилище Маат оставили фигурку Анубиса с перевёрнутым пером. Это вызов. И он направлен не на тело вельможи. Он направлен на храм. На вас.

Панеб медленно провёл ладонью по лицу, стирая невидимую пыль.

— Тёмно-синяя ткань... Да, она есть в моём доме. Её носят слуги, носят младшие писцы. Любой мог взять. А фигурка... Это старый трюк. Так делают, когда хотят посеять страх.

— Но кто? — настаивал Неферхотеп.

Верховный жрец посмотрел на него долгим взглядом.

— Есть один человек, которого я отстранил от службы месяц назад. Младший жрец по имени Джехути. Он был резок, слишком уверен в своей правоте и слишком громко говорил о «падении святости». Он клялся, что покажет всем, насколько хрупка наша вера.

Неферхотеп почувствовал, как внутри всё сжалось.

— Где он сейчас?

— Говорят, ушёл в деревню у западного берега. Но слухи ходят разные. Говорят, он собирает вокруг себя недовольных. Тех, кто считает, что храм забыл о богах и помнит только о власти.

Юноша вспомнил слова служанки Исиды: «Менкаура вчера спорил с кем-то у западных ворот. Голос был чужой. Не из наших».

— Владыка, я слышал, что вчера у западных ворот кто-то спорил с жрецом Менкауром. И голос был незнакомый.

Панеб прищурился.

— Ты быстро собираешь слухи.

— Я собираю следы, владыка. Как песчинки на весах Анубиса. Одна лишняя — и чаша склоняется не туда.

Верховный жрец снова помолчал, потом кивнул.

— Хорошо. Иди к западному берегу. Найди Джехути, если он там. Но будь осторожен. Люди, которые бросают вызов порядку, часто не видят разницы между истиной и местью.

Когда Неферхотеп вышел из покоев Панеба, солнце уже стояло высоко, и воздух дрожал от жары. Он шёл к западным воротам, а в голове крутились слова верховного жреца: «Они считают, что храм забыл о богах». Но разве сам Панеб не был частью этого порядка? Разве он не принимал решения, от которых зависела судьба храма?

У ворот его ждал Ини. Лицо мастера было спокойным, но в глазах читалось напряжение.

— Куда ты ходил? — спросил он без предисловий.

— К Панебу. Узнал про отстранённого жреца Джехути. Панеб сказал, что он ушёл к западному берегу и собирает недовольных.

Ини нахмурился.

— Джехути... Помню его. Горячий, резкий. Говорил, что ритуалы стали пустым звуком, а храм — коробкой для золота.

— Думаешь, это он?

Мастер покачал головой.

— Не знаю. Но знаю другое: если он решил бросить вызов, он будет бить туда, где больше всего. По вере людей. По их страху. По их надежде на загробную жизнь. Осквернение тела — это не просто преступление. Это способ сказать: «Ваши боги не защитят вас».

Они вышли за ворота, и город сразу накрыл их шумом: крики торговцев, скрип повозок, смех детей, бегущих по пыльным улицам. Здесь, за стенами храма, жизнь текла иначе — быстрее, грубее, откровеннее.

Деревня у западного берега была небольшой, прижавшейся к реке, будто боялась, что её смоем следующий разлив. Дома стояли тесно, крыши из тростника пахли дымом и рыбой. Неферхотеп и Ини шли по узкой улице, чувствуя на себе взгляды из приоткрытых дверей.

Наконец они нашли дом, о котором говорили люди: старый, с покосившейся дверью и глиняными горшками у порога. Изнутри доносились голоса — не громкие, но настойчивые.

Ини остановился и положил руку на плечо ученика.

— Стой здесь. Если это он, я поговорю. Ты — смотри. Запоминай лица, интонации, взгляды. Иногда человек выдаёт себя не словом, а тем, как он дышит.

Мастер вошёл в дом. Неферхотеп остался на улице, стараясь слиться с тенью стены. Из дома доносились обрывки фраз:

— ...порядок держится на страхе, а не на вере...

— ...они говорят о Маат, но сами нарушают её каждый день...

Потом голос Ини — спокойный, но твёрдый:

— Джехути, ты знаешь, что произошло в храме. Ты знаешь, что тело вельможи осквернили. Скажи мне: это твоих рук дело?

Тишина. Потом хриплый смех, горький и злой.

— Моих? Нет. Но я не стану плакать над этим. Храм сам накликать беду. Он забыл, что боги хотят не золота, а правды.

— Правда не требует крови, — ответил Ини.

— А кто сказал, что была кровь? — снова прозвучал голос Джехути. — Может, это знак. Может, это предупреждение.

Неферхотеп стоял, сжав кулаки. Он хотел ворваться внутрь, выкрикнуть: «Это не знак! Это преступление!» — но сдержался. Он должен был видеть. Должен был слышать.

Когда Ини вышел, его лицо было мрачным.

— Он не признался. Но и не отрицал. Сказал, что кто-то должен показать храму его истинное лицо.

— Значит, он знает, кто это сделал? — прошептал Неферхотеп.

— Или думает, что знает. Или хочет, чтобы мы так думали.

Они пошли обратно, и солнце уже клонилось к закату, окрашивая стены домов в кроваво-оранжевый цвет. Неферхотеп чувствовал, что расследование только начинается. Следы вели не к одному человеку, а к целой сети обид, страхов и амбиций. И где-то в этой сети прятался тот, кто хотел разрушить порядок — не ради справедливости, а ради власти над страхом.

Вечером, когда храм затих, Неферхотеп снова пришёл к статуе Анубиса. Он не молился. Он просто стоял и думал о том, что весы бога не взвешивают только сердца мёртвых. Они взвешивают и слова живых. И сейчас на одной чаше лежали преданность и долг, а на другой — обида и жажда власти. И Неферхотепу предстояло найти ту самую песчинку, которая склонит чашу в сторону истины.

Глава 4. Песок под ногтями

Ночь в храме пахла ладаном и страхом — сладким, густым, въедающимся в кожу. Неферхотеп не мог уснуть. Слова Панеба крутились в голове, как песок в водовороте: «Кто-то должен показать храму его истинное лицо». Юноша всё чаще ловил себя на мысли, что истинное лицо храма — это не статуи из полированного камня, а тени в углах, шёпот за спиной, взгляды, которые отводят, едва ты поворачиваешься.

Панеб поручил ему следить за младшими жрецами — не открыто, а исподволь, как следят за разливом Нила: по тому, как темнеет вода, по тому, куда плывут щепки.

— Не задавай вопросов, — наставлял Ини, пока они шли по галерее, где факелы отбрасывали на стены уродливые, дёрганные тени. — Смотри, кто задерживается у дверей святилищ, кто слишком часто переспрашивает расписание ритуалов, кто не смотрит в глаза, когда речь заходит о Маат. В нашем деле молчание громче крика.

Неферхотеп начал с малого — с мелочей, которые раньше не замечал. Он стоял в полутени у входа в зал каноп и наблюдал, как жрецы собираются перед утренним обрядом.

Младший жрец Рамосе нервно оправлял складки льняной накидки. Его пальцы дрожали, и он раз за разом поправлял узел, будто тот мог удержать не ткань, а его собственный страх. А когда писец назвал время начала ритуала, Рамосе вдруг переспросил — громко, так, что обернулись все:

— Ты уверен? Точно в час, когда солнце коснётся обелиска?

Писец нахмурился:

— Я читаю расписание, которое утвердил верховный жрец. А не гадаю по теням.

Рамосе опустил голову, но Неферхотеп успел заметить: в его глазах мелькнуло не смущение, а досада — будто он надеялся услышать другое.

Чуть позже, в кладовой, Неферхотеп столкнулся с другим младшим жрецом — Каем. Тот стоял у полки с сосудами для благовоний и что-то быстро прятал за спину. Когда юноша шагнул ближе, Кай вздрогнул и выронил глиняный флакон. Тот не разбился, но из трещины просочилась густая, тёмно-красная жидкость, пахнувшая миррой и чем-то ещё — горьким, незнакомым.

— Прости, — пробормотал Кай, торопливо подбирая флакон и пряча его в складках одежды. — Просто... рука соскользнула.

Но Неферхотеп заметил: на пальцах Кая были свежие царапины — будто он цеплялся за что-то острое. И ещё: под ногтем у него застрял крошечный кусочек тёмно-синей ткани. Такой же, как тот лоскут, который они нашли в Доме Очищения.

Юноша сделал вид, что ничего не заметил, и отошёл, но внутри всё сжалось. Это уже не просто совпадения. Это следы. Песчинки на весах Анубиса.

Он нашёл Ини в мастерской, где мастер проверял качество льняных бинтов, пропуская их сквозь пальцы, словно читал по нитям чью-то судьбу.

— Я видел кое-что, — тихо сказал Неферхотеп, стараясь, чтобы голос не дрожал. — У Кая под ногтем — кусочек тёмно-синей ткани. А Рамосе сегодня дважды переспрашивал расписание ритуалов. Будто ждал, что его изменят.

Ини медленно отложил бинт и посмотрел на ученика. В его взгляде не было удивления — скорее, усталость человека, который слишком долго ждал, когда трещина станет заметной для всех.

— Ткань... Да. Это может быть ничего. Или всё. А вот расписание... Расписание — это ключ. Если кто-то хочет сорвать ритуал, ему нужно знать, когда зал будет пуст, когда стража сменится, когда каноны останутся без присмотра.

— Думаешь, они заодно?

Мастер покачал головой:

— Не спеши связывать узлы там, где видишь только концы верёвок. Может, один боится, а другой злится. Может, один просто неловкий, а другому пообещали золото. Но если они оба касаются одной и той же тьмы — значит, тьма ищет путь внутрь.

В этот момент в мастерскую вбежал посыльный — запыхавшийся, с глазами, полными ужаса.

— В святилище Маат опрокинули алтарь! Лампады разбиты, подношения разбросаны... и на полу — фигурка Осириса. С отколотой головой.

Святилище Маат встретило их тишиной, которая была страшнее любого крика. Алтарь лежал на боку, осколки керамики хрустели под сандалиями, как кости. На полу, среди лепестков лотоса и пролитого масла, действительно лежала фигурка Осириса — зелёная, из фаянса, с отколотой головой и треснувшим торсом. Рядом с ней кто-то выцарапал на камне перевёрнутое перо Маат.

Панеб стоял у порога, прямой, будто статуя, но в его пальцах нервно подрагивала бронзовая печать.

— Это уже не вызов, — прошептал он. — Это война.

Ини склонился над фигуркой, осторожно поднял её, провёл пальцем по сколу.

— Удар был сильным. Но не от ярости. От расчёта. Кто-то хотел, чтобы мы увидели это. Чтобы испугались.

Неферхотеп смотрел на перевёрнутое перо и чувствовал, как холод ползёт по спине. Это был не просто знак. Это был приговор: «Ваш порядок — ложь».

— Владыка, — тихо произнёс юноша, обращаясь к Панебу. — Я видел сегодня Кая. У него под ногтем был кусочек тёмно-синей ткани. И Рамосе странно себя вёл... будто ждал чего-то.

Верховный жрец медленно повернулся к нему. В его глазах мелькнуло что-то похожее на уважение — и на опасение.

— Значит, ты уже не просто ученик. Ты следователь. Скажи мне: кому из них ты веришь меньше?

Неферхотеп сглотнул. Сказать вслух, что подозреваешь своих же братьев по храму, было почти святотатством. Но он вспомнил слова Ини: «Справедливость — это мужество признать ошибку и исправить её».

— Каю. У него были царапины. И он прятал флакон с благовониями. Будто в нём было что-то... лишнее.

Панеб кивнул.

— Хорошо. Тогда ты пойдёшь с ним завтра на сбор трав у западного берега. Это долгая работа, тихая. Там, где не нужно много слов, люди чаще выдают себя взглядом. А я... я поговорю с Рамосе. Посмотрю, что прячется за его вопросами.

Ночь снова накрыла храм, но теперь тишина казалась натянутой, как тетива лука. Неферхотеп стоял перед статуей Анубиса и пытался унять дрожь в пальцах.

— Помоги мне увидеть правду, — прошептал он, не столько молясь, сколько делаясь страхом. — Не дай мне ошибиться. Потому что если я укажу не на того, тень ляжет не только на храм. Она ляжет на меня.

Статуя молчала. Но в тишине ему вдруг послышался голос Ини: «Смотри на мелочи. Мелочи не умеют лгать».

На следующее утро Кай был непривычно молчалив. Они шли по тропе вдоль реки, где тростник шелестел, как пересушенные папирусы. Кай шагал впереди, ссутулившись, будто хотел спрятаться в собственной тени.

— Говорят, в этом году разлив будет поздним, — попробовал завести разговор Неферхотеп.

Кай пожал плечами:

— Какое мне дело до разлива? Я собираю травы. Остальное — забота верховного жреца.

— Но ведь если Нил опоздает, зерно не взойдёт. Люди будут голодать. Разве это не забота каждого из нас?

Кай резко остановился и повернулся к юноше. В его глазах вспыхнула злость — горячая, острая, будто он долго сдерживал её и теперь не мог удержать.

— Забота? Наша забота — стоять у алтарей и кивать, когда Панеб говорит о Маат! А кто подумает о нас? О тех, кто растирает корни в пыль, кто считает дни до того, как его наконец

назовут настоящим жрецом? Разве боги слышат нас, когда мы шепчем? Или они слышат только тех, кто кричит с высоты?

Неферхотеп замер, чувствуя, как слова Кая бьют не по храму — по самому его убеждению, что порядок — это защита.

— Боги слышат всё, — тихо ответил он. — Даже шёпот. Даже злость.

Кай фыркнул, но в этом звуке уже не было прежней ярости — только горечь.

Они дошли до поляны, где росли целебные травы. Кай начал собирать растения, но делал это как-то механически, будто руки знали дело, а мысли были далеко. Неферхотеп наклонился, чтобы помочь, и вдруг заметил: из складок одежды Кая выпал маленький глиняный флакон — тот самый, с тёмно-красной жидкостью.

Юноша поднял его, повертел в пальцах.

— Что в нём?

Кай побледнел. Его рука метнулась вперёд, но замерла в воздухе, так и не коснувшись флакона.

— Ничего. Просто... смесь для окуривания. Чтобы отпугивать насекомых.

— Тогда почему ты прятал его?

Кай сжал кулаки, и Неферхотеп увидел: на костяшках пальцев — свежие ссадины. Такие, будто он цеплялся за камень. Или за край ниши в святилище.

— Потому что... потому что мне сказали, что если Панеб узнает, он отстранит меня. Это... это не обычный состав. В нём есть сок растения, которое растёт только в пустыне. Оно... меняет сознание. Делает человека смелее.

— Кто тебе это дал? — спросил Неферхотеп, и голос его прозвучал твёрже, чем он ожидал.

Кай опустил голову.

— Один человек. Сказал, что храм забыл, что значит быть жрецом. Что мы стали слугами, а не хранителями. Он сказал, что пора напомнить всем, кто мы есть.

— Джахути? — тихо спросил Неферхотеп.

Кай вздрогнул и поднял глаза. В них была не только злость — в них был страх.

— Да. Он пришёл ко мне неделю назад. Сказал, что Панеб разрушает храм своей властью. Что нужно показать людям правду. Я... я не хотел ничего ломать. Я просто хотел, чтобы меня услышали.

Неферхотеп глубоко вздохнул. Он смотрел на Кая и видел не преступника, а испуганного юношу, которому пообещали, что смелость — это бунт.

— А фигурка Осириса? Алтарь?

Кай покачал головой:

— Этого я не делал. Клянусь Анубисом, не делал. Но я знаю, кто мог. Рамосе... он говорил, что нужно действовать решительнее. Что слова ничего не стоят.

Когда они вернулись в храм, солнце уже клонилось к закату, окрашивая стены в цвет запекшейся крови. Неферхотеп рассказал всё Ини и Панебу. Верховный жрец слушал, не перебывая, только пальцы его всё крепче сжимали бронзовую печать.

— Значит, Джехути плетёт свою паутину, — проговорил Панеб, когда Неферхотеп закончил. — И тянет за нити тех, кто чувствует себя забытым.

— Кай не злодей, — тихо добавил юноша. — Он просто хотел быть услышанным.

Панеб посмотрел на него долгим взглядом.

— Быть услышанным — это право. Но не любой ценой. И не за счёт порядка, который держит мир. Мы не можем позволить, чтобы Маат стала разменной монетой в чужой игре.

Ини положил руку на плечо Неферхотепа.

— Ты хорошо справился. Ты не позволил гневу затмить глаза. Ты увидел человека за преступлением. Это и есть мудрость весов Анубиса: они взвешивают не только вину, но и причину.

Но в голосе мастера слышалась тревога. Неферхотеп чувствовал: это ещё не конец. Джехути где-то рядом. И он готовит следующий удар.

Вечером, стоя у статуи Осириса, Неферхотеп прошептал:

— Если ты — судья мёртвых, научи меня судить живых. Не по страху. Не по гневу. А по правде.

Зелёный лик бога смотрел спокойно, будто знал: завтра правда потребует от юноши ещё большей смелости.

Глава 5. Тень на пороге суда

Ночь перед ритуалом всегда была особенной: в храме затихали даже тени, будто сами стены прислушивались к дыханию богов. Но этой ночью тишина была не благоговейной — она была натянутой, звенящей, как тетива лука перед выстрелом.

Неферхотеп не спал. Он сидел на каменном полу у подножия статуи Анубиса, сжимая в пальцах маленький папирус, на котором были записаны все зацепки: лоскут тёмно-синей ткани, флакон с дурманящим составом, слова Кая, дрожь в голосе Рамосе. Каждая строчка

казалась ему песчинкой, и он всё пытался представить, как они лягут на весы. Но чаша всё равно оставалась пустой — не хватало главного.

Ини нашёл его там, когда первые лучи солнца ещё только тронули верхушки обелисков.

— Ты не должен быть здесь один, — проговорил мастер, опускаясь рядом на корточки. — В такие ночи страх любит прятаться в углах и шептать глупости.

— Я боюсь не страха, — тихо ответил Неферхотеп. — Я боюсь ошибиться. Если я укажу не на того, тень ляжет на невиновного. А это хуже, чем оставить злодея на свободе.

Ини кивнул, будто слышал эти слова не впервые.

— Это и есть тяжесть жреческого пути. Мы не просто храним мёртвых. Мы храним справедливость. А она тяжелее камня.

В этот момент в зал ворвался посыльный — запыхавшийся, с глазами, в которых плескался ужас.

— Канопа сердца пропала! Стража говорит, что никто не входил, никто не выходил... но сосуд исчез. Будто сам растворился в тени.

Панеб стоял в зале каноп, прямой, словно статуя Осириса, но в его пальцах нервно подрагивала бронзовая печать. Перед ним выстроились стражники, младшие жрецы, писцы — все, кто мог хоть что-то знать. Но все только качали головами и отводили глаза.

— Кто-то из своих, — процедил Панеб, и в этом голосе не было гнева — была ледяная уверенность. — Чужой не знал бы, где искать. Чужой не знал бы, в какой час стража меняет посты.

Неферхотеп шагнул вперёд, чувствуя, как дрожат колени, но голос его прозвучал твёрдо:

— Владыка, Рамосе исчез. После вашего разговора его никто не видел. А в его комнате нашли папирус с пометками о расположении стражи и графике ритуалов.

Панеб медленно повернул голову. В его взгляде мелькнуло что-то похожее на боль — будто он сам не хотел верить в предательство своего же храма.

— Значит, он был частью плана. Но кто им руководил? Джехути? Или кто-то ближе?

Ини шагнул к столу, где лежали оставшиеся канопы — четыре сосуда, каждый посвящённый сыну Гора, каждый хранящий частицу души.

— Без канопы сердца душа Пасера не сможет пройти суд Анубиса. Весы не смогут взвесить то, чего нет. И тогда тень ляжет не только на храм — она ляжет на весь город. Люди перестанут верить, что мы можем защитить их мёртвых. А там, где умирает вера, умирает и порядок.

Неферхотеп сжал кулаки.

— Тогда мы должны найти её. Сейчас. Пока не начался ритуал.

Панеб посмотрел на него долгим взглядом.

— Ты говоришь как человек, который готов взять на себя ответственность. Хорошо. Ты пойдёшь искать канопу. Ини пойдёт с тобой. А я... я должен остаться здесь. Чтобы не дать страху вырваться наружу.

Они шли по узким коридорам, где тени казались живыми. Ини шёл впереди, спокойный, собранный, будто знал, что в лабиринте храма есть только один путь к правде.

— Смотри не на двери, — шептал он. — Смотри на пол. На пыль. На царапины. Тот, кто крадёт святое, не думает о следах. Он думает только о том, как бы скорее скрыться.

Неферхотеп смотрел. И вдруг заметил: на гладком камне у боковой ниши, куда почти никто не заходил, виднелись свежие царапины — будто кто-то волок по полу что-то тяжёлое. И ещё: на полу лежал крошечный осколок фаянса, точно такой же, из какого делали канопы.

Он поднял его и показал Ини.

Мастер кивнул.

— Это след. Пойдём дальше.

Ниша вела к старой лестнице, которой пользовались только во время ремонтов. Лестница уходила вниз, в подвалы, где хранились старые свитки и сломанные статуи. Там, внизу, было темно и пахло сыростью и ладаном.

Когда они спустились, Неферхотеп замер. В полумраке у стены стоял Рамосе. В его руках была канопа сердца — та самая, зелёная, с вычурной резьбой, которую они так долго искали. Рядом с ним, словно тень, стоял Джехути.

— Не подходите ближе! — выкрикнул Рамосе, прижимая сосуд к груди так, будто это был его собственный щит. — Я не хотел... я не хотел никого ранить! Но Джехути сказал, что это единственный способ показать всем правду!

Джехути стоял спокойно, с лёгкой усмешкой на губах.

— Правда всегда требует жертвы. Храм забыл, что значит быть святым. Он стал местом власти, а не веры.

Ини сделал шаг вперёд, но не угрожающе — просто чтобы оказаться между юношей и опасностью.

— Отдай сосуд, — спокойно произнёс он. — Ты знаешь, что будет, если душа Пасера не пройдёт суд. Это не просто наказание для одного человека. Это тень на всех нас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.